

Genealogy of a Web-Androgyne
Isaev A.
Родословная Web-Андрогина
Исаев А. А.

*Исаев Александр Александрович / Isaev Alexander – доктор философских наук, профессор,
кафедра философии и права,
Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, г. Сургут*

Аннотация: *смерть Автора привела к апологии Читателя и дезориентации Критики. Читатель, оставшись без присмотра Критики, изменил памяти Автора с Письменностью. И «через девять месяцев» у них родился Графоман. Он был аутоэрот и благодаря непорочному удовольствию от текста, он породил Web-Communications, а они, будучи интерсексуальны, породили Web-Андрогина. Он был и нарцисс, и мизантроп. Благодаря такой «экономии» – два в одном, Web-Андрогин смог соединить в себе два базовых качества – Автора и Читателя, а поскольку данный «союз» родился без присмотра Критики, то тексты Web-Андрогина может читать только он сам.*

Abstract: *death of the Author brings to the apology of Reader and disorientation of Critique. The Reader had stayed without keeping of Critique was betrayed to the Author's memory with the Writing. And through nine months the Graphomaniac was born to them. He was autoerotic and thanks to immaculate enjoyment from the text he had given birth to Web-Communications and they as hermaphroditic were born to Web-Androgyne. He was narcissus and misanthrope. And thanks to such «saving» – two in the one, Web-Androgyne could connected himself two base properties – Author and Reader. As far as these «coalition» appeared without the keeping of Critique, that the Web-Androgyne's texts can be read only by himself.*

Ключевые слова: *автор, нарратив, экзегеза, Критика, Университет как «место критики», язык, письмо как «немая речь», «скриптор», Web-Графоман, Web-Communications, Web-Андрогин.*

Keywords: *author, narration, exegesis, Critique, University as a place of critique, language, letter as «a hearing-mute speech», «scriptor», Web-graphomaniac, Web-Communications, Web-Androgyne.*

Нет пророка... После эпикриза, вынесенного Автору Р. Бартом, это стало актуальным как никогда. Вообще это ведь, действительно, странно и, в особенности, в так называемой гуманитарной науке, которая на деле не более, чем речевая практика. И, в этом смысле, представители нарративной истории правы: она рождается в рассказе о...; нет никакого исходного смысла ни в каком ином «месте», кроме нашего предположения о его существовании. Даже если предположить, что каждый из нас – свидетель происходящего, а разве свидетели не привирают, невольно или намеренно?.. Свидетель в историческом изложении – меньшее из зол; он лучше, чем неведение, но не более того. Экзегеза, на которую средневековое человечество потратило полторы тысячи лет, как можно думать, не прошла бесследно. И все, что мы знаем о прошлом как единственном предмете истории (современная история – такая же химера как «мужественная женщина») – мы знаем только в чем-то пересказе (фр., narration) и в опыте чьей-то сопутствующей этому рассказу интерпретации. Р. Барт полагает: признание того, что суть литературы – в слове, а не душевной жизни автора, укрепляется через П. Валери и М. Пруста. В итоге сюрреализм, агитируя за деструкцию смысловых ожиданий, принимает парадигму «автоматического письма», где акт письма, по сути, опережает мысль, делая избыточной сакрализацию Автора. Свой вклад в дело десакрализации Автора, внесла и современная лингвистика: отвергая жесткое разграничение литературы и «нелитературы», наука о языке показывает, что «высказывание как таковое – пустой процесс и превосходно совершается само собой (как бы по законам самого языка, – прим. мой. – А. И.), так что нет нужды наполнять его личностным содержанием говорящих». Автор есть «всего лишь тот, кто пишет»; для языка, он – субъект, а не личность, но этот субъект, определяемый внутри речевого акта, является достаточным вместилищем языка как целостности и способен исчерпать его [1, С. 387]. Таким образом, удаление Автора – это не «эффект письма», а подлинное «отчуждение»: текст и создается, и читается таким образом, что Автор удален на протяжении всей временной перспективы; это уже не фигура из прошлого, предпосылочная по отношению к его собственной будущей книге, «вынашивающая» ее: тот, кто для текста живет, мыслит, страдает; иными словами, отношения современного Автора и книги – это уже не отношения отца и сына [2], это отношение «скриптора» [3], который рождается «одновременно с текстом» и он существует только в одном времени – в пределах речевого акта [4]. Современный текст пишется «здесь и сейчас». Отсюда, характер письма ныне может быть определен как «перформатив», как чистая форма, в пределах которой нет иного содержания, кроме самого акта высказывания, как, например, в устах царя «Сим объявляю...» [1, С. 388]. Для скриптора, язык – это данность и ему не предшествует никаких личных или экзистенциальных обстоятельств, или каких-либо иных переживаний Автора-Бога: «...текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам

культурных источников». Истина письма проста: писатель может лишь «вечно подражать тому, что написано прежде и само писалось не впервые; даже в попытке «выразить себя», внутренняя сущность писателя есть лишь «готовый словарь» [5] – своеобразная дурная бесконечность, где слова объясняются с помощью других слов. «Скриптор, пришедший на смену Автору, – говорит Р. Барт, – несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо, не знающее остановки; *жизнь лишь подражает книге*, а книга сама соткана из знаков, сама подражает чему-то уже забытому, и так до бесконечности» (курсив мой. – А. И.) [1, С. 389]. Нельзя назначить тексту автора или присвоить текст автору, это бы выглядело как остановка текста, попытка наделить его окончательным значением, чем, собственно, традиционно и занималась Критика – ее задачей всегда было стремление обнаружить Автора в произведении (или такие формы его самопрезентации, как общество, душа, история, свобода). Нахождение Автора понималось как «объяснение» произведения и выполнение задачи Критики. Но пространство письма дано нам не «для прорыва», замечает Р. Барт, а «для пробега...»: письмо постоянно порождает смыслы, которые тут же испаряются, – философ называет это «систематическим высвобождением смысла» [1, С. 389-390].

О «пленительной тонкости чувств» кастрата – персонажа новеллы «Сарразин», как считает Р. Барт, О. де Бальзак ничего не мог сказать, и никто не мог. Если у этой фразы есть голос, то это голос Читателя и звучит он не на письме, как голос Автора, а в *опыте немой речи* – в опыте чтения: «Так обнаруживается, – говорит Р. Барт, – целостная сущность письма: текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не *автор*, как утверждали до сих пор, а *читатель* <...> текст обретает единство не в *происхождении* своем, а в *предназначении* (курсив мой. – А. И.) [1, С. 390]». И «предназначение» это – Читатель. Существо (и, отнюдь, не от слова «сущность») без истории, без биографии, без психологии. Он – «некто», почти – «никто», но именно он и обладает возможностью свести письменный текст воедино. И рождение этого всемогущего персонажа нашей литературной истории, выворачивающее наизнанку миф о письме, «оплачено смертью Автора» [1, С. 391].

Удовольствие от текста [6] и непорочное зачатие: Автор [7] – Читатель [8] – Графоман (письмо ради письма, без ориентации на авторский замысел) – (Web-Communications) – Web-Графоман [9]. «Письмо» как дело, пришедшее на смену «литературе», не рассматривает текст (и мир в целом, понимаемый как текст) как нечто, наделенное окончательным смыслом; напротив, высвобождение смыслов, производимое письмом, и их безостановочное течение, по сути своей, как считает Р. Барт, революционно и ведет к отвержению бога и таких его ипостасей, как порядок, наука, закон. Р. Барт пишет о современной письменной культуре и это означает, что подрыв основ Критики, а также революционное по своей природе отторжение порядка, науки, закона, ведет к институциональному кризису Университета в XX в., поскольку его существо заключено в определении Университета как «места критики». Иными словами, те деструктивные процессы рубежа XX–XXI вв., которые в отношении образования мы можем наблюдать не только в отечественной культуре, могут быть объяснены «смертью Автора», девальвацией Критик и изменением статуса Письма. Таким образом, из средства самовыражения Автора, письмо превращается, почти по-кафкиански, в монстра, пренебрегающего не только смыслами (оно их не фиксирует, не держит, иначе, не «расшифровывает», не декодирует, а лишь прослеживает и «распутывает» [1, С. 389]), но и Автором, и даже Критикой. Письмо-монстр и есть рождение Графомана. Опираясь на анализ перипетий лингвистического поворота, имевшего место в европейской культуре и философии второй половины XX в., можно прояснить данную ситуацию как отказ от конвенциональных понятий в качестве способа фиксации знания в классическом его выражении и переход к мышлению посредством «пониманий». Данный отказ от понятий не только реанимировал Читателя – главного субъекта письменной Культуры и обусловил возвращение средневековых «концептов» как единственно эффективного средства «схватывания» содержания речи – устного текста, но и вызвал к жизни Графомана – носителя релевантной для современности, но при этом внутренне пустой и потому безразличной к содержаниям формы обращения с культурой. Восстание письма против Критики было лишь побочным продуктом событий в культуре и общественной жизни XX в. Главным же событием стала смерть Автора и рождение Графомана. На рубеже XX–XXI вв., с появлением и широким распространением социальных сетей, письмо, вследствие угнетенного состояния Критики после смерти Автора, обернулось подлинным восстанием против бога (включая идею порядка, науку, закон).

Релятивизм современной эпохи оказался революционным настолько, что Р. Барт, в свое время (1967 г.), просто не смог этого предвидеть: смерть Автора привела к апологии Читателя и дезориентации Критики, лишенной «объекта» своей заботы; Читатель, оставшись «один дома», изменил эпохе с Письменностью при полном попустительстве угнетенной Критики, чьи права были девальвированы; и «через девять месяцев» у них родился... Графоман: Графоман был аутоэрот, но, благодаря непорочному удовольствию от текста, он породил Web-Communications; и, наконец (впрочем, это – временно), Web-Communications, будучи интересными, породили Web-Андрогина, который был, одновременно, и

нарцисс, и мизантроп, и благодаря такой «экономии» – два в одном, Web-Андрогин смог соединить в себе два базовых качества – Автора и Читателя, а поскольку данный «союз» родился без присмотра Критики, то тексты Web-Андрогина может читать только он сам – это было реминисценцией аутоэротизма его недалекого предка – Графомана, тот был первым, для кого удовольствие от текста было единственным оправданием Письма.

Реабилитация и восстановление читателя в правах как следствие инверсии в отношениях «письмо/Автор» и одновременная смерть Автора, если и были патетическим событием, обещавшим потрясти основы письменной культуры, то лишь до времени появления экранной культуры и Web'a. Ныне, без всякой претензии на оригинальность, вслед за смертью Автора, провозглашенной, в частности, Р. Бартом, мы можем говорить и о смерти Читателя, чьим приговором было не столько появление Instagram'a, сколько имманентное человеку стремление мыслить посредством предметных референций (М. К. Мамардашвили), т. е. попросту – с помощью картинок. Еще одно проявление закона сохранения энергии, эмоций и массы веществ... Р. Барт же по отношению к Автору был таким же гробовщиком, как и Э. Уорхол [10] – по отношению к Читателю.

Литература

1. *Барт Р.* Смерть автора // Его же. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994.
2. Здесь же; по-видимому, отношения Автора и книги весьма напоминают отношения Авраама и Иакова... См.: Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне) / Прим. А. В. Ахутина. – М.: Прогресс; Гнозис, 1992.
3. Лат., *scriptor* – 1) писец; 2) переписчик; 3) писатель; 4) автор; повествователь; составитель; 6) поэт, – см.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1976.
4. Поскольку здесь Р. Барт указывает на речь, которая всегда спонтанна, то это, по сути, можно рассматривать и как указание на реабилитацию «концепта», который только и способен «схватить» спонтанность речи.
5. *Барт Р.* указывает на юного Томаса Квинси (1785–1859) – автора «Исповеди англичанина, употребляющего опиум»; англ., «Confession of an English Opium-Eater» (1822), который по признанию Шарля Пьера Бодлера, преуспев в изучении древнегреческого языка, «создал себе и в любой момент держал наготове собственный словарь...», см.: [1, С. 389]; в этом смысле, не лишней будет отсылка и к историко-философским реалиям, где, чтобы философствовать, как, например, в случае М. Хайдеггера, также заново создавался «достаточно богатый язык».
6. *Барт Р.* Удовольствие от текста (*Le Plaisir du texte*) / Пер. Г. К. Косикова // Его же. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 462–519.
7. Не забудем: фр., «auteur», – помимо значений «автор; писатель» и т.п., означает «виновник; исполнитель преступления».
8. Он же, бедняга, ныне еще и «ридер», – воистину, кризис, в противном случае, зачем «великому и могучему» такие заимствования?
9. Он же, своего рода, и Web-Андрогин – широко распространенная популяция сетевых «писателей», чью любовь к письму не останавливает даже то, что, испытывая дефицит аудитории, они вынуждены читать самих себя. Такая утонченная форма аутоэротизма, по-видимому, является некой причудливой реминисценцией тех времен, когда мы были «самой читающей нацией в мире» (просто в ту пору это было возможно, благодаря тиражам «Истории ВКП (б)», а ныне – «тиражам» новоиспеченных «авторов».
10. Andy Warhol. Marilyn Diptych, 1962 [Электронный ресурс] // Tate. – 2016. – Режим доступа: URL: <http://www.tate.org.uk/art/artworks/warhol-marilyn-diptych-t03093>.